

EDEN KATNE

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АВЕРЛОН

18+

Eden Kaine

Аверлон

<https://litres.ru/74166067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцать лет назад принцесса Амелия, главная наследница Трона Аргариона, исчезла. Она уступила корону младшему брату и бежала в туманные болота Рендвуда, забрав с собой мужа и новорождённую дочь. Однако, все меняется, когда на границу великого королевства наступают захватчики во главе с Темным Царем.

«Аверлон» — это тёмное, эмпирическое фэнтези о запретной любви, королевских интригах и девушке, которая отказывается быть пешкой. Эпичная история о том, как далеко можно зайти ради свободы, и как легко потерять себя, когда в сердце поселяется тьма.

Добро пожаловать в Аверлон. Здесь никто не останется в стороне.

Содержание

Предупреждение	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Аверлон

Предупреждение

Данная книга предназначена **ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ** из-за обилия сцен, которые могут вызвать серьёзный психологический дискомфорт.

Книга содержит:

- **Сексуальное принуждение и манипуляцию** — сцены, в которых героиня вынуждена подчиняться под угрозой шантажа и насилия, с элементами доминирования, унижения и нарушения личных границ.
- **Инцестуозную динамику** — кровосмешение двусмысленность, токсичная привязанность и стирание моральных границ внутри семьи.
- **Психологическое насилие** — газлайтинг, эмоциональную манипуляцию, угрозы, шантаж, изоляцию, контроль над телом и разумом героини.
- **Жестокие убийства и насильственную смерть** — детальные сцены битв, расчленение, массовая гибель.
- **Физическое насилие** — сцены удержания силой, удары, принуждение к действиям сексуального характера, угрозы.
- **Элементы темной магии и оккультизма** — изображение магии, связанной с подчинением воли, жертвоприно-

шениями и оккультными практиками.

- **Война и насильственный захват власти** — сцены осады, штурма городов, гибели мирных жителей, разрушения королевства.

Категорически не рекомендуется:

- лицам с ПТСР, связанным с сексуальным насилием, абьюзивными отношениями или домашним насилием;
- лицам, для которых триггером являются сцены доминирования, принуждения и подавления воли;
- лицам с опытом травматических отношений в семье (особенно с нарушением родственных границ);
- несовершеннолетним читателям.

Важно:

Автор не оправдывает и не романтизирует насилие, абьюз, инцест, манипуляцию или жестокость. Изображённые отношения — художественный вымысел, иллюстрирующий механизмы травматической привязанности, созависимости и борьбы героини за свою свободу и идентичность.

Если вы или ваши близкие сталкиваетесь с домашним насилием, сексуальными домогательствами, абьюзивными отношениями или психическими расстройствами — обратитесь к специалистам.

Ваша безопасность и благополучие важнее любой истории.

Берегите себя.

*"Багрян закат над троном королей,
Короны тонут в алчности своей.
И Аверлон огнем объят сполна —
Не знает милосердия война.
Где жажда власти сердце опалит,
Там меч за правду с братом говорит.
Пока венцы рождаются в крови —
Не стихнет войн безжалостной мольбы."*

Глава 1

Элира

Дорога вилась серой змеей, выползая из туманных болот Рендвуда к каменистым предгорьям, что сторожили сердце Аверлона. Карету трясло на ухабах, и я смотрела в окно, как медленно умирает привычный мир — низкое небо, пропахшее торфом и свободой, сменялось ухоженными полями, где гнули спины крестьяне, не смея поднять глаз на королевский эскорт. Стук копыт отдавался в висках похоронным барабаном. Я смотрела в окно кареты, как проплывают мимо бурые поля Аргариона, исчерченные глубокими колеями от телег. Земля здесь пахла иначе, чем в Рендвуде. Там, среди болот и туманов, воздух был влажным и честным — он пах тиной, гниющими водорослями и солью с залива. Здесь же пахло пылью и старой кровью. Казалось, сама почва помнила, сколько мечей было об нее сломано.

Мать сидела напротив, прямая, как клинок в ножнах. Леди Амелия. Железная леди Рендвуда. Время пощадило ее — или испугалось тронуть. Тонкий стан, затянутый в дорожное платье цвета запекшейся крови, высокая шея, увенчанная короной пепельных кос, в которых еще не затерялась ни единая серебряная нить. Я унаследовала от нее только один глаз. Карий, глубокий, как болотная вода. Второй достался мне от отца — желтый, словно янтарь на солнце, с темным

ободком по краю радужки. Когда я была маленькой, служанки шептались, что это метка духов. Отец смеялся и говорил, что я украла по кусочку от каждого из них.

Я не хотела ехать в столицу. Цитадель Пепла, Дрейнбург, королевский двор — все это было для меня чужой, враждебной землей. Я не была там с самого рождения. Точнее, меня вывезли оттуда так рано, что я не помнила ни стен, ни лиц. На следующий день после того, как мой дед, король Грен, а мой дядя Эрон сел на трон, мы исчезли. Мать — наследная принцесса, старшая дочь короля — уступила престол младшему брату и бежала вместе со мной и отцом в провинцию, болотные земли лорда Рендвуда, ее покойного свекра. Почему она отказалась от короны? Этого она мне не рассказывала, оберегая эту тайну, как дракон — сокровище. «Это была сделка, — отвечала она всякий раз, когда я спрашивала. — Я отдала трон, чтобы сохранить семью. Чтобы сохранить жизнь твоему отцу». Что за опасность угрожала отцу? Почему они не могли остаться при дворе? Кто и чем шантажировал Железную леди, заставив ее подписать отречение? Я не знала. Но я подозревала дядю Эрона — человека, который выиграл больше всех от этого побега.

В Аргарионе, как и во всех Пяти Королевствах, наследовать престол мог ребенок любого пола — по праву старшего. Таков был закон, установленный после того, как когда-то предки почти уничтожили этот мир в войне за престолонаследие. Закон мудрый и справедливый. Но многим принцам

он не нравился. Многим хотелось бы видеть на троне мужчину, а не женщину. И когда моя мать отказалась от короны в пользу младшего брата, никто не протестовал. Кроме, быть может, нескольких старых лордов, которых быстро заставили замолчать. Мы бежали в Рендвуд — край болот, туманов и вечных дождей. Там отца назначили главным мореходцем, и это были лучшие годы моего детства. Мы часто отправлялись в небольшие путешествия по морю: соленые брызги в лицо, скрип снастей, ветер, ревущий в ушах. Отец сажал меня на плечи и показывал горизонт. «Однажды, Элли, — говорил он, — мы пойдем в Туманное море. На остров Грен. Туда добираются только самые опытные и отважные мореходцы. И мы с тобой будем среди них». Я верила ему и ждала этого дня. Но когда мне было тринадцать, отец погиб на охоте. Это была нелепая случайность: стрела, пущенная в оленя, нашла человеческую плоть. Мать на полгода перестала говорить, а я перестала верить в случайности. И вот теперь, спустя девятнадцать лет после бегства, король Эрон попросил нас приехать. Зачем? Что изменилось? Я смотрела на мать и понимала: она знает больше, чем говорит, и ей страшно.

— Запомни, — сказала она, когда впереди показались башни Цитадели Пепла, — ты не будешь вести себя как дикарка. Никаких дерзостей. Никаких колкостей. Ты не доведешь до греха ни меня, ни короля Эрона. Ты поняла меня? Меня это бесило.

— Я не умею носить маски, — бросила я, глядя в окно.

— Ты знаешь.

— Значит, придется научиться. — Ее голос не терпел возражений. — Сегодня ты войдешь в этот дворец как принцесса крови. А не как болотная девочка, привыкшая говорить все, что вздумается. Думать будешь молча, а говорить — только когда спросят, и улыбаться. Ты поняла меня?

Я стиснула зубы. Мне хотелось крикнуть, что весь этот двор с его притворными улыбками, лживыми комплиментами и ядовитыми интригами омерзителен мне до тошноты. Что я презираю этих напудренных лордов и леди, которые улыбаются в лицо и вонзают нож в спину, что я не хочу иметь ничего общего с человеком, который, возможно, угрожал моему отцу и вынудил мать отказаться от короны. Но я промолчала. Потому что мать была права. Здесь, в логове врага, нужно было надевать маску или умереть.

Мы въехали на главную площадь Цитадели Пепла. Замок вырастал из скалы, как черный дракон, вцепившийся когтями в камень. Стены его были сложены из обсидиана — темного, почти черного, с кровавыми прожилками. Над воротами висел герб Аргариона: золотой дракон, пожирающий солнце. В памяти всплыло, как отец рассказывал легенду: когда-то первый король Аргариона заключил союз с драконами, и те дали ему власть над всеми Пятью Королевствами. Только это было так давно, что теперь в драконов верили лишь дети и безумцы.

Нас уже встречали. Лорды и леди королевства стояли по-

лукругом, разряженные в шелка и бархат. Они смотрели на нашу карету, как на диковинного зверя, и я чувствовала их взгляды кожей: оценивающие и голодные. Мы вышли из кареты. Мать — первой, величественная, холодная, с королевской осанкой. Я — следом, стараясь держать спину так же прямо. Ветер подхватил мои рыжие волосы, и они вспыхнули на фоне черных стен, как знамя. Толпа расступилась, и к нам скользнул человек. Он был стар и сух, как мумия. Позвоночник его изогнулся вопросительным знаком, а кожа на лице висела складками, словно ему пересадили чужую, слишком просторную шкуру. Одет он был в черный дублет с серебряными пуговицами, а на шее висела цепь с медальоном — знак королевского секретаря. Глаза у него были бледно-голубые, почти бесцветные, и они смотрели на нас с тем особым, липким вниманием, от которого хотелось вымыться. Он улыбался — притворно, слащаво, как змея, прикидывающаяся безобидной.

— Леди Амелия, — Тирк поклонился с таким изяществом, словно репетировал этот жест годами. Голос его был тих, вкрадчив, пропитан медом и цикутой. — Добро пожаловать домой. Его Величество счастлив вновь видеть вас в Цитадели Пепла.

— Тирк, — мать кивнула с поистине королевским достоинством. Я заметила, как напряглись ее пальцы, сжимавшие ридикюль. — Время пощадило вас. Должно быть, секреты Его Величества хорошо консервируют.

Укол. Тонкий, едва заметный, но Тирк его проглотил, даже не поморщившись. Его улыбка стала на долю дюйма шире.

— О, вы мне льстите, миледи. Секреты — это всего лишь туман. Они рассеиваются на утренней заре. — Он перевел взгляд на меня, и я физически ощутила, как по коже пробежали мурашки. — А это, должно быть, юная леди Элира. Какая... необычная красота. В вас чувствуется порода.

— Благодарю, лорд Тирк, — я заставила себя улыбнуться, вспомнив наставление матери. Кажется, я была бы не против вонзить нож прямо сейчас, просто чтобы стереть эту липкую ухмылку с его лица.

— О, я не лорд, — он всплеснул костлявыми руками. — Всего лишь скромный слуга короны. Позвольте, я провожу вас. Его Величество ожидает в Царском Кабинете, — Тирк понизил голос, придав ему оттенок интимной доверительности.

Мы вошли внутрь. Холод каменных стен тут же пробрался под плащ. Главный зал поражал своей мрачной роскошью — черные колонны, увитые золотыми нитями, как жилами, светильники, в которых плясало жидкое пламя. Нас повели вверх по широкой лестнице, ступени которой были высечены из цельного золотистого мрамора. Мои каблуки выбивали дробь по золоту. С каждым шагом я ощущала тяжесть этого места, давившую мне на плечи. За эти девятнадцать лет король Эрон прослыл жестоким, кровавым правителем,

узурпатором. Многие его ненавидели, кто-то боялся, а кто-то даже уважал. Хотя, надо признать, заслуги у него были. Он укрепил Аргарион, превратив его в центр всех Пяти Королевств на континенте Аверлона и острова Грен. Он построил флот, подмял под себя торговые пути. Но какой ценой? Говорили, что его меч никогда не задерживался в ножнах, а его темницы никогда не пустовали. Говорили, что он казнил лордов за одно неосторожное слово. Говорили, что он носит корону, обгавленную кровью собственного отца. Я не знала, что из этого было правдой. Но я знала одно: моя мать боялась его.

Мы ступили в коридор, и я невольно задержала дыхание. Галерея Фавориток. Пол здесь был инкрустирован сотнями драгоценных камней, образующих извилистый, переливающийся узор, напоминающий змеиную чешую. Сапфиры, изумруды, рубины и кроваво-красные гранаты мерцали под ногами. Стены были задрапированы тяжелым бархатом, а в нишах стояли статуи — обнаженные женские фигуры из белого снежного мрамора, позы были откровенными, непристойными в своей мраморной неподвижности. Трофеи и памятники похоти королей.

Тирк шел чуть впереди, и мне казалось, что он не касается пола, а скользит над ним, как змея. Я перевела взгляд на мать. Она шла, величественная, как богиня, изгнанная из пантеона, и даже этот развратный коридор не мог лишить ее достоинства. Я же ощущала себя чужачкой, самозванкой.

Глядя на этот блеск, на эту позолоту, я мечтала лишь об одном. Соленые брызги на лице. Ветер, ревущий в снастях. Скрип деревянного корпуса, рассекающего волну. Королевство Камертон — край тысячи островов, портов, пропахших рыбой и пряностями, край вольных капитанов, что не склоняют голов ни перед одним монархом. Пираты. Я прятала книги о них под матрасом в Рендвуде, словно запретные любовные романы. Зачитывалась историями о дерзких рейдах, о сундуках, набитых золотом, о женщинах-капитанах, чьи имена с ужасом шептали на побережьях. Как бы я хотела стоять на капитанском мостике, сжимая в руке не веер, а кортик. Истинная мечта, та, в которой я не смела признаться матери. Дочь королевской крови, грезящая о пиратской вольнице? Какой скандал. Какое бесчестье.

— Прошу сюда, — пропел Тирк, останавливаясь перед массивной дверью из черного дерева, на которой был вырезан герб Аргариона.

Он постучал три раза, и дверь, словно нехотя, отворилась сама собой, приглашая нас в святая святых — Царский Кабинет. В лицо ударил жар, смешанный с запахом старого пергамента и воска.

— Леди Амелия Рендвудская и принцесса Элира! — провозгласил Тирк, отступая в сторону с видом фокусника, явившего публике свое лучшее чудо.

Я сжала кулаки, пряча их в складках плаща. Сердце колотилось где-то у горла, но я заставила себя посмотреть вперед.

Мы вошли. Внутри, в клубах дыма, восседал дядя. Король Эрон. И тени в этом кабинете были сгущены до такой черноты, что я не сразу разглядела его лицо. Впрочем, я не была уверена, что хочу его видеть.

Глава 2

Элира

Я стояла, замерев, пока Тирк, пятясь, закрывал за нами тяжелую дверь, и каждый волосок на моем теле вставал дыбом от спертого, горячего воздуха, какой бывает в зверинце перед кормлением хищников. Король Эрон восседал не на троне — он возлежал в огромном кресле черного дерева, инкрустированном осколками обсидиана, и само его присутствие высасывало из комнаты свет. Ему было около сорока пяти, но годы лишь отточили его красоту, сделав ее опаснее. Представьте себе дьявола, который решил не прятать рогов под короной, а выставить напоказ: густые черные волосы, отливающие синевой воронова крыла, ниспадали с его головы и были зачёсаны назад. Лицо — точно высеченное из мрамора нетерпеливым скульптором, который слишком спешил запечатлеть свое вожеление: высокие скулы, обрамленные черной, аккуратной бородой и хищный изгиб чувственных губ. Но глаза — вот что пугало больше всего. Карие, почти черные в полумраке, они смотрели с пронзительной, голодной прямоотой, от которой хотелось прикрыться, даже будучи полностью одетой. Они ощупывали, оценивали, раздевали.

Его одеяние — черный шелк, расшитый золотыми нитями в узор из переплетенных змей, — струилось по массивной, точно у медведя, фигуре, не скрывая, а подчеркивая под тка-

нюю грубую силу. От него исходило амбре мускуса, дорогого вина и чего-то еще — сладковато-приторного, как испорченные духи, которыми пытаются заглушить запах разложения. Величие. Похоть. Власть. Все смешалось в этом человеке, и я сразу поняла: вот истинный хозяин Галереи Фавориток. Те мраморные распутницы в коридоре — не просто дань похоти предков. Это его личный пантеон. Его эстетика. До сих пор не женат. Король Эрон меняет любовниц как перчатки, а некоторые, самые дерзкие сплетники, обвиняли его в куда более темных пристрастиях. Говорили, что из его покоев по ночам доносятся звуки, похожие не на стоны страсти, а на сдавленные крики. Теперь, глядя на него, я почти верила слухам. Он улыбнулся матери — хищно, обнажая ровные белые зубы, и в этой улыбке не было ни капли родственного тепла.

— Амелия, — его голос, глубокий и обволакивающий, рокотал, как далекий гром. — Сестра моя. Слишком долго ты прятала свою красоту в болотах.

Мать шагнула вперед, прямая и бесстрастная, но я видела, как побелели костяшки ее пальцев. Эрон поднялся навстречу — громадный, возвышающийся над ней скалой, — и широко раскинул руки, затянутые в черный шелк. Объятие вышло театральным: он прижал ее к груди, стиснув так, что мать едва не задохнулась, и поцеловал в лоб долгим, собственническим поцелуем. Я скривилась, не сумев сдержаться. Хорошо, что он не видел.

— Я скучал, — промурлыкал он, отстраняясь. — Дрейнбург пуст без твоей красоты.

Мать ответила что-то о том, что Дрейнбург, кажется, процветает, но я уже не слушала. Эрон повернулся ко мне. Его орлиный взгляд впился в мое лицо, скользнул по растрепанным ветром волосам, задержался на глазах — карем и желтом. На его губах заиграла та же хищная улыбка, только теперь в ней прибавилось любопытства, как у кота, заметившего необычную мышь.

— Элира. — Он произнес мое имя так, словно пробовал на вкус редкое лакомство. — Клянусь Новыми Богами, ты стала красавицей. Как ты выросла... Помню тебя крохой с перепачканными ягодами щекам, а теперь передо мной настоящая роза. Пусть и с шипами, я полагаю?

Он протянул мне руку — широкую, унизанную перстнями с темными камнями. Мне ничего не оставалось, кроме как подать свою. Его пальцы сомкнулись на моих, горячие, сухие, чуть дольше дозволенного. Наклонившись, он коснулся губами моей кожи, и я подавила дрожь омерзения.

— Благодарю, Ваше Величество, — выдавила я, изобразив книксен.

— «Дядя», — поправил он с вкрадчивой мягкостью, не выпуская моей руки. — Для тебя — просто дядя. Мы ведь семья. А семья должна держаться вместе, не так ли?

Мать кашлянула, привлекая его внимание, и Эрон нехотя отпустил меня. Завязалась светская беседа — тот самый сорт

беседы, где каждое слово отравлено, но подается на золотом блюде. Я использовала момент, чтобы скользнуть взглядом по Царскому Кабинету.

Это было логово, а не рабочее место. Огромный стол из черного мореного дуба завален пергаменами и картами, но в углу я заметила серебряный поднос с ополовиненным графином вина и двумя кубками — словно здесь только что был гость. На стенах — гобелены с батальными сценами, такими жестокими, что кровь на них казалась настоящей. Вдоль камина, где потрескивал огонь цвета запекшейся ржавчины, стояли чучела: медведь с оскаленной пастью, какой-то северный волк и — мое сердце пропустило удар — голова василиска, чьи стеклянные глаза отсвечивали мертвенной зеленью. Рядом на постаменте покоился меч, лезвие которого было покрыто странными, бурными разводами. Засохшей кровью. Оружейный трофей? Или инструмент?

Я перевела взгляд обратно на дядю. Он что-то вкрадчиво шептал матери, склонившись к ее уху, и лицо Амелии оставалось каменным, но я слишком хорошо ее знала: жилка на ее виске билась часто-часто. Тревога. Страх. Что он ей говорил? Что за тайна опять утекала сквозь мои пальцы, как песок?

Эрон выпрямился и хлопнул в ладоши.

— Амелия, нам нужно обсудить кое-что с глазу на глаз, без юных ушей. — Он снова посмотрел на меня, и во взгляде мелькнуло что-то собственническое, оценивающее, слов-

но прикидывал, какую цену можно выручить за такую «розу». — Тирк! Проводи юную Элиру на Балкон Скорби. Пусть полюбуется городом. Уверен, вид ей понравится.

— Скорби? — переспросила я, не сумев скрыть яд.

— Старое название, — небрежно бросил король. — С тех пор, как с него когда-то сбросили мятежного принца. Но сейчас там совершенно безопасно. Иди, дитя.

Тирк уже материализовался рядом, противно улыбаясь, и взял меня под локоть своей костлявой рукой. Я оглянулась на мать. Она едва заметно кивнула — иди.

Я последовала за секретарем через анфиладу комнат, пока мы не вышли на узкую винтовую лестницу. Ступени были истерты тысячами ног. На стенах — пятна сырости, напоминавшие карту неведомых земель. Может, Камерона? Я горько усмехнулась своим мыслям. Вряд ли меня когда-нибудь пустят дальше дворцовых стен. Дверь на балкон была низкой, обитой медью, позеленевшей от времени. Тирк распахнул ее с поклоном, впуская внутрь ледяной ветер.

— Прошу, миледи. Наслаждайтесь. Я подожду здесь, чтобы проводить вас обратно, когда Его Величество освободится.

Я вышла наружу, и ветер сразу же ударил в лицо, трепля волосы, забираясь под плащ, но впервые за этот день я вдохнула полной грудью. Свободно.

Балкон Скорби представлял собой широкий каменный выступ, огороженный кованой решеткой, украшенной шипа-

ми. Внизу, насколько хватало глаз, простирался Дрейнбург. С высоты птичьего полета его мрачная красота завораживала, как ядовитая змея: лабиринты кривых улочек, над которыми поднимался дым тысячи очагов, острые шпили храмов, увенчанные символами Новых Богов, и бескрайние серые трущобы за Внутренней стеной, где люди копошились, словно муравьи в разворошенном муравейнике. За городскими стенами, у самого горизонта, темнел лес. Я жадно вдыхала ветер, представляя, что он пахнет водорослями и приключениями, когда мое внимание привлекло движение у Главных Ворот.

В город, поднимая клубы пыли, въезжала кавалькада. Всадники. Их доспехи были легче, из вороненой стали, а на пиках развевались флаги. Флаги были глубокого зеленого цвета, с вышитым на них серебряным древом, чьи корни уходили в череп. Брендвуд. Королевство вечных лесов и друидов. Конница двигалась четким строем, а в центре следовала карета из светлого дерева, украшенная живыми ветвями и белыми цветами. Очень много вооруженных людей для простой делегации. Я вцепилась в холодные прутья решетки, чувствуя, как внутри зарождается сосущая пустота. Король Брендвуда — или кто-то из его приближенных — здесь. Одновременно с нами. Моя мать встревожена. Дядя изображает радушие. И теперь чужеземцы с севера. В моей жизни тайны всегда были как крысы в подполе: знаешь, что они там, слышишь возню, но не видишь. А теперь крысы, кажется, нача-

ЛИ ВЫЛЕЗАТЬ НА СВЕТ.

Глава 3

Элира

Ветер с Балкона Скорби хлестал по щекам, но даже его ледяные пощечины не могли привести меня в чувство. Я смотрела на Брендвудские флаги, исчезающие во внутреннем дворе Цитадели, и внутри меня росла уверенность — страшная, беспросветная, как воды Морасских топей, — что эти чужаки приехали не просто так.

— Принцесса Элира, — противный голос Тирка просочился сквозь шум ветра, как ядовитый туман. — Его Величество просит вас вернуться.

Я обернулась. Он стоял в дверном проеме, сутулый, бледный, с неизменной липкой улыбкой на бескровных губах. В руках он держал небольшую масляную лампу, и пламя в ней дрожало, отбрасывая на его лицо пляшущие тени, делавшие его похожим на мертвеца, что поднялся из склепа специально, чтобы досаждать живым.

— Разумеется, — процедила я, отлипая от перил. — Не смею заставлять короля ждать.

Мы вернулись через анфиладу темных коридоров. Мои шаги гулко разносились под каменными сводами, и каждый шаг отдавался в груди набатом. Когда Тирк вновь распахнул дверь в Царский Кабинет, горячий воздух, смешанный с запахом тлена и мускуса, снова ударил в ноздри. Король

Эрон стоял у камина, заложив руки за спину. Огонь позади него рисовал вокруг его массивной фигуры зловещий ореол, и черный шелк его одеяния, казалось, поглощал свет. Амелия сидела в кресле напротив, прямая как шпага. Как только я вошла, дядя повернулся. Его карие, почти черные глаза вспыхнули, и он одарил меня улыбкой. Улыбкой волка, который знает, что овца уже в загоне.

— Надеюсь, вы не пренебрежете нашим радушием, дорогая племянница, — промурлыкал он, и слова его, обернутые в мед, на самом деле прозвучали как приказ. — Покои для вас с матерью уже готовы. Тирк проводит.

— Что это значит? — вопрос сорвался с моих губ раньше, чем я успела прикусить язык. — «Не пренебрежете»?

Эрон шагнул ко мне. Всего один шаг, но расстояние, между нами, словно схлопнулось, и я почувствовала жар, исходящий от его тела, жар, смешанный с запахом мускуса и вина. Он смотрел на меня сверху вниз — громадный, подавляющий, обволакивающий своей харизмой, словно змей, гипнотизирующий добычу. От него исходила опасная, почти животная сексуальность, и это пугало меня сильнее, чем любые угрозы. Потому что эта красота была ловушкой. Потому что я видела, что прячется за ней — разврат, жестокость и власть без границ.

— Ничего такого, что могло бы тебя огорчить, юная Элира, — его голос рокотал низко и интимно. — Располагайтесь, отдыхайте. А мы с тобой еще встретимся, чтобы побе-

седовать. По-семейному. Мы ведь так долго не виделись. — Он коснулся пальцами моего подбородка, заставляя поднять лицо.

По моей спине пробежала дрожь. Ледяная, противная, как прикосновение могильного слизня. Я отпрянула, и Эрон рассмеялся.

— Тирк! — бросил он, не оборачиваясь. — Проводи дам в восточные покои.

Секретарь кивнул и жестом пригласил нас за собой. Я ухватила за руку матери, вцепилась в нее, как утопающий в соломинку, но Амелия молчала. Всю дорогу по бесконечным коридорам и лестницам она молчала, и от этого молчания мне становилось только страшнее. Наши комнаты располагались на четвертом этаже восточной башни, вдали от суеты главного дворца. Две смежные спальни, соединенные общим балконом с видом на внутренний сад. Покои были роскошны: тяжелые бархатные портьеры цвета бычьей крови, золоченая мебель, огромные кровати под балдахинами, расшитыми серебряными лилиями. Но окна были забраны решетками.

Тирк, отвесив последний издевательский поклон, испарился, пообещав, что наши вещи скоро доставят. Как только дверь за ним закрылась, я схватила мать за плечи.

— Что он тебе сказал? Что здесь происходит? Зачем приехали Брендвудцы? Мама, я требую ответа!

Амелия высвободилась из моей хватки с ледяной грацией.

Она подошла к окну и уставилась в темноту, словно там, за стеклом и решетками, могла разглядеть ответы.

— Ты не будешь требовать, Элира, — сказала она тихо, но с металлом в голосе.

Она помолчала, и в этой паузе я слышала, как где-то внизу лакеи вносят наши сундуки.

— Король Брендвуда прислал делегацию. С ними едет его наследник, принц Гарольд, и его мать, королева Лили. Их визит — не дань вежливости. Это сватовство.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Сватовство. Слово упало на меня, словно каменная плита склепа.

— Ты выйдешь за принца Гарольда, — продолжила мать, и каждое ее слово было обточенным алмазом — твердым, острым, не оставляющим и царапины сомнения. — Таково решение Его Величества. И мое.

На мгновение мир замер. Я слышала, как стучит мое сердце, как воет ветер за решетками, как трещит свеча на столе. А потом тишина взорвалась.

— Нет, — прошептала я. — Нет! — уже криком.

— Да, — отрезала Амелия, поворачиваясь ко мне. Ее лицо было бледной, бесстрастной маской. — И ты примешь это.

— Приму? — я рассмеялась, и смех мой был горьким, как пепел. — Ты продаешь меня, мама! Продаешь, как скотину на рынке! А меня спросить не надо?! Может, я должна была

узнать об этом не так? Может, я вообще имею право голоса?!

— У тебя нет права голоса, когда речь идет о судьбе королевства, — слова матери хлестали, как плеть. — Наступают тяжелые времена, Элира. Тьма сгущается у наших границ. Аргариону нужны сильные союзники. Брендвуд — ключ к северу. А ты прямой потомок династии. У Эрона нет детей и, боюсь, уже не будет.

— Вот именно! — выкрикнула я. — У него нет детей, потому что он развратная тварь, которая таскает в свою постель все, что движется, и которая...

— Молчи! — Амелия повысила голос, и в нем прозвенела сталь, та сталь, что когда-то, много лет назад, позволила ей отказаться от короны. — Ты говоришь о своем короле. Ты будешь молчать, ты будешь улыбаться, и ты сделаешь то, что должно. Ради себя. Ради меня. Ради всего нашего рода. Если бы твой отец был жив...

— Не смей, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступают слезы. — Не смей говорить об отце! Если бы он был жив, он бы не допустил этого! Он бы не отдал меня, как товар!

— Твой отец был воином, — тихо произнесла мать, и в ее глазах на мгновение мелькнула такая глубокая, застарелая боль, что я чуть не поперхнулась. — И он знал, что такое долг. Он пожертвовал всем. Как и я. Теперь твоя очередь.

Я отшатнулась. Слезы жгли глаза, застилали взор, превращая мать в размытое пятно. Почему? Почему это происхо-

дит со мной? Чем я заслужила этот ад? Я мечтала не о коронах и не о принцах. Я мечтала о море, о ветре, о свободе. А меня запикивают в очередную золотую клетку, как диковинную птицу. Ублюдок Эрон! Старый развратник! Если бы отец был жив, он бы вырвал ему глотку за одну такую мысль!

— Этому не бывать, — выдохнула я и, прежде чем мать успела меня остановить, рванулась к двери.

Я бежала по коридорам, не разбирая дороги. Слезы текли по щекам, горячие, злые, они душили меня, застилали глаза, и факелы на стенах сливались в одно огненное пятно. Слуги шарахались в стороны, стража провожала меня удивленными взглядами, но никто не смел остановить — видимо, вид у меня был безумный. Как они посмели? Как они посмели решать мою судьбу, даже не спросив? Династия? Государство? Долг? Плевать! Плевать мне на их династию, на их интриги, на их гниющие троны! Я не пешка в их грязной игре! Я не буду безмолвной куклой, которую можно нарядить в свадебное платье и отправить в чужую постель! Я выскочила в главный вестибюль первого этажа — огромный зал с черными колоннами и замерла как вкопанная. Потому что там, в окружении почетного караула, стояли те, кого я меньше всего хотела видеть.

Королева Лили, властительница Брендвуда. Она была высока и худа, как зимняя сосна, и длинные светлые волосы струились по ее спине почти до колен. Они были столь безупречны, что казались жидким серебром. Лицо — красивое,

надменное, с острыми скулами и ледяными голубыми глазами, в которых застыло вечное презрение ко всему, что ниже ее статуса. Она носила платье цвета мха, расшитое живыми изумрудами, и серебряную диадему, напоминавшую переплетенные ветви. Рядом с ней стоял Принц Гарольд. Мой, как выяснилось, жених. На вид ему было около двадцати. Он был строен и подтянут, но не худ, и двигался с ленивой кошачьей грацией, свойственной тем, кто никогда ни в чем не нуждался. Каштановые волосы, гладко зачесанные на бок и блестящие от масла, красивое, тонкое лицо с правильными чертами и небольшим ртом, который словно всегда готов был сложиться в усмешку. Одет он был в дублет из темно-зеленого бархата с серебряными пуговицами, а на поясе носил тонкий меч с гардой, украшенной изумрудами. Его глаза, светло-серые, прозрачные, как утренний туман, и такие же пустые. Они скользили по залу, ни на чем не задерживаясь, словно все вокруг было недостойно его внимания. И тут же, рядом с ними, стоял король Эрон. При виде меня его лицо на мгновение исказилось — в черных глазах полыхнула злоба, самая настоящая, неприкрытая, — но через секунду он уже растянул губы в радушной улыбке, и только желваки на скулах выдавали его ярость.

— А вот и она! — провозгласил он громко, и голос его разнесся под сводами вестибюля. — Моя дрожащая племянница, принцесса Элира! Подойди же, дорогая. Познакомься с нашими гостями.

Я стояла, словно вкопанная. Ноги приросли к черным плитам пола, слезы еще не высохли на щеках, волосы растрепаны, глаза горят. Я, должно быть, выглядела как сумасшедшая. Эрон в три широких шага преодолел расстояние, между нами. Его улыбка не дрогнула, но, когда он схватил меня под локоть, я почувствовала железную, стальную хватку, от которой захрустели кости. Он притянул меня к себе, почти волоча к гостям, и наклонился к уху, щекоча дыханием шеи:

— Только попробуй устроить сцену, и ты пожалеешь, что родилась на свет, — прошептал он с почти интимной нежностью.

— Ваше Величество, королева Лили, — Эрон вытолкнул меня вперед, как куклу, продолжая сиять улыбкой. — Позвольте представить: Элира из рода Аргарионов, дочь моей любимой сестры.

Королева Лили смирила меня взглядом, которым обычно оглядывают неудачную покупку на рынке. Ее тонкие брови поползли вверх, губы поджалась. Она заметила мои заплаканные глаза, растрепанные волосы, горящие щеки. И мой желтый, звериный глаз, конечно.

— Что с принцессой не так? — поинтересовалась она ледяным тоном, не обращая ко мне напрямую. — Неужели она не рада предстоящему событию?

Эрон расхохотался. Легко, непринужденно, словно мы обсуждали не мою жизнь, а забавный пустяк.

— Что вы, Ваше Величество! Конечно, рада. Она просто

юна, неопытна и слишком долго жила в провинции, вдали от короны. Волнение, знаете ли. — Он пихнул меня локтем в спину, и я, выходя из ступора, выдавила из себя некое подобие кивка.

— Я... счастлива, — прохрипела я, кривя лицо. Это была, вероятно, самая жалкая улыбка во всем Аверлоне.

Принц Гарольд, до того рассматривавший потолок, наконец соизволил обратить на меня внимание. Он шагнул вперед, лениво оглядел меня с ног до головы, и в его светло-серых глазах промелькнуло что-то похожее на скучающее одобрение. Он взял мою безвольно висящую руку и прижался к ней губами. Губы были сухими и холодными.

— Ваша красота сравнится разве что с красотой священных рощ Брендвуда, — произнес он заученно, словно читал по бумажке.

Королева Лили закатила глаза. Было видно, что сын ее раздражает не меньше моего.

— Очень трогательно, — процедила она. — Король Эрон, я полагаю, нам стоит удалиться в ваш кабинет. Есть дела, не терпящие отлагательств.

— Разумеется, — Эрон снова оскалился в улыбке. — А молодые пока прогуляются в саду. Пусть познакомятся поближе перед свадьбой. Тирк! — секретарь материализовался из тени колонны. — Проводи принца Гарольда и леди Элиру в Серебряный Сад.

Я стояла, окруженная врагами, чужаками и лицемерами, и

чувствовала, как клетка захлопывается. Жених лениво предложил мне локоть. Я оперлась на него, дрожа от бессильной ярости. Мы пошли к выходу, а за спиной я слышала, как удаляются шаги моего дяди, который получал от этой сделки огромное удовольствие.

Глава 4

Элира

Серебряный Сад встретил нас тишиной и запахом прелых листьев. Он был красив, этого я не могла отрицать: вековые дубы сплетали над головой черные узловатые ветви, с которых свисали серебряные колокольчики, звенящие на ветру тонкими, жалобными голосами. Дорожки, вымощенные белым камнем, змеились между живыми изгородями, подстриженными в форме драконов. В центре сада бил фонтан — мраморная дева с пустыми глазницами лила воду из кувшина в черный бассейн. Красиво и мертво. Принц Гарольд шел рядом, заложив руки за спину, и молчал. Я тоже молчала, чувствуя, как внутри закипает лава. Каждый его шаг, каждый шорох его бархатного дублета раздражал меня до зубовного скрежета.

— Вы давно не были в столице, принцесса Элира? — наконец нарушил он тишину, и голос его звучал так, словно он спрашивал не потому, что ему интересно, а потому что так положено.

— С шести лет, — отрезала я, не глядя на него.

— Мардрон, верно? — Гарольд сорвал листок с живой изгороди и рассеянно растер его между пальцев. — Говорят, там красивые болота.

— О да. Особенно красиво в сезон испарений. Туманы,

топи, комары размером с воробья. Очень романтично.

Он бросил на меня короткий взгляд, и я не поняла, уловил ли он сарказм. Его светло-серые глаза оставались все такими же пустыми — ни искры ума, ни проблеска чувства. Просто две прозрачные лужицы.

— Вы шутите, — заключил он после паузы. — Это мило.

Я остановилась и развернулась к нему лицом. Меня душила злость, и если я не выплесну ее сейчас, она разъест меня изнутри.

— Принц Гарольд, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ответьте мне прямо. Вы хотите этой свадьбы?

Он удивленно поднял брови. Красивые брови, надо признать. Темные, изогнутые, над этими невыразительными глазами они выглядели как дорогая рама на пустом холсте.

— Конечно, — ответил он с легким недоумением. — Это же политический союз. Очень выгодный.

Я закатила глаза. Сдержаться было невозможно.

— Неужели вы ни разу не видя меня, даже не зная, кто я такая, счастливы на мне жениться?

Гарольд пожал плечами. Просто. Легко. Как будто речь шла о покупке новой лошади.

— Вы красивы, — сказал он, и это прозвучало как вердикт. — Даже очень ничего. У вас интересные глаза. Редкий изъян. И фигура... вполне достойная. Я был бы рад, если бы вы стали моей женой.

Мое тело передернуло, словно от удара током. «Даже

очень ничего». «Интересные глаза». «Редкий изъяз». Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Он не был уродлив, этот принц. Его лицо было правильным, фигура — стройной, манеры — изысканными. Но лечь с ним в постель? Позволить этим прозрачным рыбьим глазам смотреть на мое обнаженное тело? Позволить этим тонким губам касаться меня? Нет. Нет, никогда. Только через мой труп.

Я глубоко вдохнула, отгоняя образы.

— Тогда ответьте мне еще на один вопрос, — процедила я. — Отчего же наши государства объединяются? Что такого случилось, что мой дядя решил продать меня в Брендвуд?

Гарольд остановился и уставился на меня с таким неподдельным изумлением, что я почти поверила в его способность испытывать эмоции.

— Вы серьезно? — переспросил он. — Вы не знаете о Темном Царе?

Я удивленно подняла бровь. Внутри похолодело.

— Что это за Темный Царь?

Принц засмеялся. Легким, звенящим смехом человека, которому доставляет удовольствие чужое невежество.

— О, это действительно забавно, — он покачал головой. — Вы единственная наследница династии Аргарион и не знаете, что творится в вашем собственном королевстве?

— Просветите меня, — мой голос зазвенел сталью.

Гарольд остановился у фонтана и прислонился к мраморной деве, словно готовился рассказывать байку у походного

костра.

— В районе Трапзона, на восточной границе вашего королевства, объявился некто, именующий себя Темным Царем. Он поднял бунт среди местных лордов и черни. Говорят, он обладает какой-то древней силой. Темной, запретной. Его армия растет с каждым днем. Он требует автономии региона и создания Шестого Королевства. — Гарольд сделал паузу, наслаждаясь моим ошеломленным лицом. — Ваш дядя, король Эрон, разумеется, отказал. Но ситуация шаткая. Армия Аргариона ослаблена после войны с горцами. Многие лорды на востоке колеблются. Если Темный Царь получит то, что хочет, ваше королевство развалится.

Я молчала, переваривая услышанное. Трапзон. Темный Царь. Бунт. Почему мать ничего не сказала?

— И поэтому нас женят? — глухо спросила я.

— Разумеется. — Гарольд развел руками. — Брендвуд находится как раз на границе с мятежным регионом. Если я возьму вас в жены, наш союз будет скреплен кровью. Моя отец даст Эрону войска для подавления восстания. А взамен получит вечный мир, торговые привилегии и... вас.

«Взамен получит вас». Товар. Я была товаром. Ходячей монетой, которой расплачиваются за армии и мирные договоры.

— Это безумие, — прошептала я. — Меня продают, чтобы подавить какой-то бунт?

— Не какой-то, — в голосе Гарольда впервые прорезалось

что-то похожее на серьезность. — Если Темный Царь победит, он не остановится на Трапзоне. Это только начало. Мы должны объединиться сейчас, пока не поздно.

Я больше не слушала. В моей голове билась одна мысль: меня предали. Мать знала. Эрон знал. Все знали, кроме меня — той, чью жизнь собирались обменять на солдат и пушки.

— Прошу меня простить, принц Гарольд, — выдавила я, приседая в надменном, почти издевательском книксене. — Я должна немедленно увидеться с королем.

— Но... — начал он, растеряннo моргая.

— Это было очень познавательно. Благодарю.

Я развернулась и почти бегом бросилась обратно в замок. Подол плаща хлестал по ногам, сердце колотилось где-то в горле. Я неслась через галереи и коридоры, не разбирая дороги, и в голове билась одна мысль: я должна увидеть Эрона. Потребовать ответа.

Царский Кабинет находился на третьем этаже. Я взлетела по лестнице, перепрыгивая через ступени, и, запыхавшись, замерла у массивной двери из черного дерева, и только тут услышала звуки. Сначала я не поняла, думала, мне кажется. Но потом звук повторился — низкий, гортанный стон. Мое сердце забилось быстрее. Я знала, что должна уйти, знала, что нельзя смотреть, но рука сама потянулась к двери, толкнула ее — на полдюйма, не больше. Щель открыла мне ровно столько, сколько нужно было, чтобы увидеть ад.

Король Эрон стоял у своего стола, спиной ко мне. Его

черное одеяние было спущено до пояса, обнажая широкую, мускулистую спину, блестящую в поту. Перед ним, дубовом столе распласталась королева Лили. Ее длинные светлые волосы разметались по пергаментам, как серебряные водоросли. Юбки были задраны до талии, обнажая бледные бедра, которые она обвила вокруг его поясницы. Ее голова запрокинулась назад, рот открылся в беззвучном крике наслаждения, а глаза закатились под веки. Эрон двигался в ней с грубой, властной мощью, и его правая рука сжимала ее горло так, что костяшки побелели. Лили хрипела, извивалась, но не сопротивлялась. Ее пальцы вцепились в край стола, и она издавала те самые звуки — стоны, всхлипы.

— Закрой свой рот, королева, — рокотал Эрон низко, почти рыча. — Ваша лесная корона — пыль под моими ногами.

— Да... да, мой король... — выдохнула Лили, и он толкнулся в нее с новой силой, заставляя стол скрипеть и шататься.

Я отшатнулась. Кровь отхлынула от лица, а потом прилила обратно, обжигая щеки. Меня затошнило. Грязно. Мерзко. Эта женщина, замужняя королева, — в ногах у моего дяди, а он трахает её, как последнюю шлюху, на картах королевства, которые должны решить судьбу войны. Во рту появился привкус желчи. Я вновь посмотрела на его спину, на то, как перекачиваются мускулы под кожей, на его властные, собственнические движения, и в низу живота зародилась странная, тягучая дрожь. Отвратительное, предатель-

ское возбуждение, от которого меня затошнило ещё сильнее. Я закусила губу до крови, чтобы прогнать наваждение. Эрон трахает жену того, кто должен дать ему войска. Если об этом узнают — брак сорвётся, союз рухнет, Брендвуд опозорится и отзовёт свои обещания. А значит, и моя свадьба рассыплется в прах. Я воссияла надеждой, почти радостной и безумной.

Я отступила от двери, развернулась и бросилась прочь. Я бежала по коридорам, и в ушах стучало: *шантаж, шантаж, шантаж*. Я взлетела по винтовой лестнице восточной башни, перепрыгивая через две ступени, и факелы на стенах слились в огненные полосы. Я не смотрела под ноги и подол плаща зацепился за что-то, и мир перевернулся. Острая боль пронзила лодыжку, ступени рванули навстречу, и я уже приготовилась встретить холодный камень лицом, как вдруг чья-то рука — железная, беспощадная — сомкнулась на моем плече. Меня дернули вверх с такой силой, что кости хрустнули в суставах. Воздух вышибло из легких, спина впечаталась в стену, и затылок ударился о шершавый камень. Перед глазами вспыхнули искры. Я ахнула — не столько от боли, сколько от шока, — и подняла взгляд. Передо мной стоял король Эрон. Грудь его тяжело вздымалась, и чёрный шёлк его одеяния, кое-как запахнутого, лип к влажной от пота коже. Несколько пуговиц отсутствовали, открывая смуглую шею и ключицы. Волосы упали на лоб. Он был зол. Дьявольски зол — чёрные глаза полыхали, а красиво очерченные губы изо-

гнулись в хищном оскале.

— Маленькая назойливая дрянь, — прорычал он, встряхнув меня так, что зубы клацнули.

Я оскалилась и вскинув голову выплюнула ему в лицо:

— Какой ужас, что же будет, если все узнают, что король Эрон трахает замужнюю королеву своего же союзника? Как думаете, Ваша Светлость, Гарольд обрадуется, когда прознает, что его мать — ваша подстилка?

Его лицо исказилось. Ярость демона вырвалась наружу — жилы вздулись на шее, кулаки сжались. Он молчал секунду, а потом схватил меня за плечо и потащил за собой с такой грубой силой, что я едва успевала перебирать ногами.

— Ты пожалеешь, что не родилась слепой, — прошипел он, волоча меня по анфиладе.

— Что ты сделаешь? Убьёшь? — язвительно бросила я, спотыкаясь о каменные плиты. — И кто тогда спасёт браком твоё ничтожное королевство? Кто отдаст свою утробу ради твоих амбиций, когда Темный Царь уже у ворот?

Он не ответил. Вместо этого он втолкнул меня в Галерею Фавориток. Я шла по ним, цепляясь каблуками за инкрустированный самоцветами пол, а Эрон тащил меня вперёд, не ослабляя хватки. Он остановился у ближайшей скульптуры — высокая женщина с откинутой головой и раскинутыми руками, застывшая в вечном экстазе. Моя спина с силой впечаталась в его грудь — горячую, влажную, мускулистую. Одной рукой он перехватил мои запястья, заломив их за спину,

а второй стиснул мой подбородок, заставляя смотреть на каменное лицо статуи.

— Смотри, — прошептал он мне на ухо, сладко и злобно. — Посмотри на эти тела. Многие думают, что это просто скульптуры, да? Памятники похоти старых королей. Но нет, Элира. Это всё — ненавистные женщины короны. Те, кто посмел перечить мне, кто пытался уйти, кто думал, что сможет утолить мой голод. — Он прижал меня к себе ещё крепче, и я почувствовала жар его тела, от которого по коже побежали мурашки, а лоб покрылся холодным потом. — Я не женат только по одной причине: ни одна женщина в этом мире не способна насытить меня. Ты видишь, как их много? Каждая из них когда-то была живой.

Я сглотнула, стараясь не дрожать. Внутри всё сжалось от ужаса — но я заставила себя усмехнуться.

— Вы запугиваете меня, Ваша Светлость, — сказала я, и голос мой прозвучал хрипло, но я держалась. — Вы просто хотите меня запугать. Вы думаете, что я поверю вам?

Эрон тихо рассмеялся — бархатистым, смертоносным смехом, от которого у меня волосы встали дыбом.

— Давай проверим, — промурлыкал он, обжигая дыханием мою шею. — Если ты хоть кому-нибудь скажешь о том, что видела, или попытаешься сорвать свадьбу — твоё место будет здесь. Рядом с ними. Вечность в мраморе.

Я попыталась вырваться, но он держал мёртвой хваткой. Горячие пальцы на моём подбородке сжались сильнее.

— Неужели ты поступишь так с родной племянницей? — выдавила я, чувствуя, как страх пробирается в душу.

— О да, — прошептал он, прижимая меня к себе так тесно, что я чувствовала каждую линию его торса. — Ещё как. Но перед этим, дорогая, я отиму тебя так, как ты себе даже не можешь представить. Ведь, чтобы занять место среди моих фавориток, нужно сначала пройти через мою постель. Уж поверь, ты будешь умолять о смерти задолго до того, как я превращу тебя в камень.

Меня вырвало наружу — слова, полные яда и тошноты: — Ты омерзителен.

Он улыбнулся, лизнув мочку моего уха.

— Это ненадолго, моя дорогая.

И вдруг он отпустил меня. Резко, словно выбросил грязную тряпку. Я пошатнулась, едва удержавшись на ногах, и развернулась к нему лицом. Он стоял вполоборота, поправляя манжеты с царственной небрежностью, но глаза его горели неприкрытой угрозой.

— Ты хорошо меня поняла, Элира? — спросил он, и голос его стал ледяным.

Я смотрела на него в упор. Вся моя дерзость испарилась, оставив лишь холодную, глухую злобу. Я не могла произнести ни слова — боялась, что голос выдаст дрожь. Вместо этого я медленно, с вызовом, оскалилась и издевательски поклонившись пошла прочь.

Глава 5

Брендвуд. Столица Лендрон.

Зелено-жёлтый замок просыпался вместе с лесом. Утреннее солнце пробивалось сквозь кроны древних дубов, окружавших стены, и бросало на каменные плиты пола дрожащие золотые монеты света. Здесь всё дышало зеленью, живой, влажной, наползающей. Мох покрывал подножия колонн мягким бархатом. Из трещин в кладке тянулись тонкие плети плюща, и в распахнутые стрельчатые окна, вливался воздух, густой от запаха смолы и лесного мёда.

В тронном зале, построенном вокруг живого дуба, царила прохлада. Исполинское дерево проросло сквозь крышу, и его корни, оплетавшие возвышение, служили естественным тронном, на котором сидел король Вильям. Он казался частью этого места — такой же кряжистый, крепко вросший в землю. Широкие плечи обтягивал камзол цвета молодого папоротника с вышитыми по вороту серебряными желудями. Большое, открытое лицо с румянцем, напоминавшим бока спелого яблока, лучилось приветливостью. Густая седая борода, заплетённая в две косы по брендвудскому обычаю, покоилась на объёмном животе. Глядя на него, любой чужеземец подумал бы, что перед ним — радушный хозяин лесной усадьбы, а не монарх одного из Пяти Королевств.

Утренний свет серебрил волосы Кая, стоявшего напротив. Молодой секретарь был одет просто — льняная рубашка навыпуск, кожаный жилет. Чёрные, волнистые волосы открывали высокий лоб и резкие скулы. На правой стороне шеи, над самым воротом, темнела татуировка: дракон, сжимающий в пасти клинок.

Вильям жестом подозвал его ближе, указывая на низкую скамью, обитую мхом, — ещё одна причуда брендвудского двора, где мебель часто оставалась полуживой, продолжая расти и пахнуть лесом.

— Садись, Кай. Расскажи, что нашептал тебе ветер из Аргариона. Что там с этим свадебным балаганом?

Кай опустилсся на скамью:

— Аргарион похож на подгнившее дерево, ваше величество. Снаружи крона ещё зелена, но внутри труха. Эрон ищет, чем заткнуть дыры. Трапзон кипит, Темный Царь собирает под свои знамёна всех, кто устал от кулака Дрейнбурга. Эрону нужны наши мечи, иначе он захлебнётся в собственной крови.

Король неторопливо огладил одну из кос своей бороды, и в его ясных, как лесное озеро, глазах мелькнуло нечто, совершенно не вязавшееся с добродушной улыбкой — глубокая, застарелая удовлетворённость.

— Ты знаешь, чего мне стоило увидеть этот день, Кай? — произнёс он тихо, почти ласково. — Триста лет с тех пор, как мой предок вёл лесных великанов бок о бок с Дрейном.

Мы потеряли почти целую армию друидских великанов. А знаешь, что получил Брендвуд в благодарность? Забвение. Дрейн приписал всю победу себе, а нас оставили в тени, как бедных родственников, которые «подсобили по-соседски».

Он замолчал, глядя на исполинский дуб, пронизывавший зал. Солнце скользнуло по листве, и по лицу короля пробежала тень.

— С тех пор на каждом совете Аргарион рядился в одежды старшего брата. Их слово — закон. Наши желания — пыль. А теперь этот напыщенный мясник Эрон, который своими руками перерезал глотку василиску и перебил драконовых детей — последнюю настоящую силу своей династии, — ползёт к нам.

Кай чуть склонил голову, давая королю выговориться, и Вильям продолжил, понизив голос:

— Я ждал этого не один десяток лет. Я кивал, когда нас называли «лесными дикарями». Я принимал подачки и делал вид, что Брендвуд — всего лишь тихий сад, где не растёт ничего, кроме трав для снадобий. — Он подался вперёд, и трон под ним скрипнул. — Но сад умеет ждать. И теперь я сорву плод, который зрел три столетия.

— Я так понимаю, — наконец заговорил Кай, — что союзный договор лишь ширма?

— Конечно, ширма. — Вильям откинулся обратно, скрестив руки на животе. — Я дам Эрону ровно столько солдат, сколько нужно, чтобы он поверил в нашу помощь. Пусть го-

няет их по Трапзону, пусть сжигает свои последние силы в войне с Темным Царем. А сам он даже не заметит, как сожжёт и остатки своей власти. — Король сделал паузу, и лицо его стало почти мечтательным. — Принц Гарольд наденет Элире кольцо на палец, и в тот же миг она станет не племянницей Эрона, а невестой Брендвуда. Сразу после церемонии я заберу её сюда, в Лендрон. И когда Эрон падёт — а он падёт, потому что уничтожил всех, кто мог бы его защитить, — кто останется законной наследницей аргарионского престола?

— Элира, — негромко ответил Кай.

— Именно. — Вильям улыбнулся, и улыбка эта, открытая и тёплая, на мгновение обнажила зубы. — И тогда Брендвуд войдёт в Дрейнбург не как захватчик, а как защитник. Я посажу на трон свою невестку, а рядом с ней будет мой сын. И все эти высокомерные лорды, которые веками плевали нам в лицо, склонят головы перед Лесным Королевством, — он хохотнул, хлопнув себя по колену. — Какая ирония, а?

Кай позволил себе тень улыбки. Он взял с подноса два резных кубка из берёзовой коры, наполненных вином, и один протянул королю.

— Однако, Ваше Величество, есть одна переменная, которую мы не до конца понимаем. Это Темный Царь.

Король перестал смеяться. Улыбка ещё держалась на его губах, но в глазах появился холод.

— Говорят, он обладает той же тёмной магией, что ко-

гда-то использовал король Лир в Туманном море, — продолжил Кай. — Он забирается в сознание людей. Одна жертва — один разум. Если это правда, перед нами не просто мятежник с бандой крестьян. Он может создавать коллективный разум. Как мы будем с ним воевать, когда придёт время?

Вильям откинулся на спинку трона, сплетённую из живых ветвей, и погладил одну из кос своей бороды. Ветер из открытых окон колыхнул листву дуба над его головой, и по залу пробежал шелест, похожий на далёкий смех.

— Я слышал о нём, — произнёс он медленно, словно перебирая воспоминания. — Говорят, он совсем юн. Мальчишка. Выходец с острова Грен, с Грендвуда, который когда-то пытался подмять материк под себя. — Король хмыкнул. — Он захватил Трапзон и кричит на всех углах, что хочет освободить королевство от тирании Эрона. «Лжекороль» — так он его зовёт.

Вильям наклонился вперёд:

— С чего он решил, что Эрон — не настоящий сын покойного Грена, мне неизвестно. Может, просто удачный предлог. А может, — он развёл руками и широко улыбнулся, — может, и правда. Грен был мудрым королём. А этот назойливый, глупый убийца-принц, возможно, и не его вовсе.

Вильям рассмеялся — легко, раскатисто, как будто сказал нечто невероятно забавное. Смех разлетелся под сводами зала, и где-то в листве дуба ему ответила птица. Король вытер уголок глаза и продолжил уже серьёзнее:

— Но, если этот мальчишка думает, что его тёмная магия делает его неуязвимым, он ошибается. Когда Брендвуд займёт престол Аргариона, я смогу с ним договориться. Он воюет против Эрона — не против нас. Гарольд не узурпатор и не жестокий безумный король. Зачем мальчишке сражаться с законным мужем Элиры?

Вильям замолчал на мгновение, и его лицо снова приобрело то самое простодушное, почти деревенское выражение, от которого враги теряли бдительность.

— А если нет, — добавил он с лёгкой улыбкой, — мои лесные великаны и его разгромят. Чтобы подавить волю всех моих войск, ему придётся убить каждого из своих ради жертвы. Да и то не хватит всех!

Он снова рассмеялся, хлопнув ладонью по колену. Смех был искренним, открытым, как у человека, который только что удачно пошутил за кружкой эля.

— Хороший план, Ваше Высочество, — произнёс Кай.

— Именно, — Вильям сделал глоток и посмотрел на секретаря с отцовским теплом. — Мы покажем всему миру истинное величие Брендвуда.

Глава 6

Элира

Тронный Зал Цитадели Пепла был огромен, как чрево мертвого дракона, и так же мрачен. Высокие своды терялись в клубях дыма, что поднимался от десятков жаровен, расставленных вдоль стен. В чашах из черного железа плясало жидкое пламя, и его мертвенный свет окрашивал лица придворных в оттенки запекшейся крови и старого золота. Колонны, высеченные в форме сплетенных змей, подпирали потолок, и казалось, что их каменные тела медленно извиваются в полумраке.

Здесь собрались все великие чины королевства. Лорды в тяжелых бархатных мантиях, отороченных мехом северных волков. Леди, увешанные драгоценностями, как витрины ювелирных лавок. Генералы с орденскими цепями на груди, чьи лица были изрезаны шрамами былых сражений. Советники, судьи, казначеи — весь цвет Аргариона, вся эта гнилая, лицемерная знать, что кормилась от щедрот короны. Они перешептывались, переглядывались, и их голоса сливались в гул, похожий на жужжание мух над падалью. А в центре этого муравейника, на возвышении из обсидиана, стоял Трон. Его вырезали из единого куска черного камня столетия назад, и говорили, что в нем до сих пор запечатаны души всех, кто умер ради того, чтобы кто-то мог на нем воссе-

дать. Сейчас на этом троне, широко расставив ноги и откинувшись на высокую спинку, сидел король Эрон. Он выглядел как самый опасный зверь в мире. Как дьявол, восседающий на престоле ада. Его черное одеяние сменилось на парадное — тяжелый шелк с золотым шитьем, что повторяло узор змеиной чешуи. На плечах покоился плащ, скрепленный брошью в виде дракона, пожирающего солнце. На голове сияла корона с острыми шипами, о которые, по слухам, один из предков Эрона вспорол глотку мятежного барона. Его лицо было спокойным и надменным, но глаза горели. Черные, пронзительные, они обводили зал с видом хозяина, который только что пересчитал свое стадо и остался доволен.

Рядом с тронем, чуть позади, стояла королева Лили. Она выглядела безупречно — платье из серебристого шелка, волосы уложены в сложную корону из кос, на губах застыла вежливая полуулыбка. Никто в этом зале, глядя на нее, не догадался бы, что час назад эта женщина извивалась на столе под моим дядей. Я смотрела на нее и чувствовала, как к щекам приливает жар. Какой стыд. Какой чудовищный, невыносимый стыд — стоять здесь, зная то, что знаю я.

Мы с Гарольдом ждали своей очереди в боковой нише, скрытые тяжелой бархатной портьерой. Мой так называемый жених поправлял манжеты с видом скучающего кота и даже не пытался заговорить. Я была ему благодарна за это. Если бы он открыл рот, меня бы, наверное, вырвало прямо на его начищенные сапоги. Мои мысли путались. Образ из кабине-

та — обнаженная спина Эрона, разметанные по столу светлые волосы Лили, влажные звуки, стоны — застрял в голове, как заноза. Я пыталась его вытолкнуть, но он возвращался снова и снова, и от этого внутри все дрожало. Не только от отвращения — хуже. От какой-то странной, болезненной дрожи, которую я отказывалась признавать. Стоило мне взглянуть на короля, как по телу пробежал озноб. Боже мой. Какой стыд.

— Милорды и миледи! — голос Тирка, зычный и торжественный, разорвал гул зала. — Его Величество король Эрон имеет объявить радостную весть!

Придворные затихли, поворачиваясь к трону. Тирк выждал театральную паузу, наслаждаясь всеобщим вниманием.

— Принцесса Элира из рода Аргарион и Его Высочество принц Гарольд из королевства Брендвуд!

Портьера отдернулась. Гарольд подал мне локоть, и я вцепилась в него, как утопающий в бревно. Мы вышли в зал. Сотни глаз уставились на нас — оценивающе, жадно, любопытно. Кто-то заохал. Кто-то зааплодировал. Я слышала шепотки:

— Какая пара...

Мы шли медленно, чинно, взявшись за руки, как два павлина на ярмарке невест, и каждое мое движение было пропитано фальшью. Я улыбалась — натянуто, механически, чувствуя, как трескаются губы от этой пытки. Гарольд держал спину ровно и смотрел вперед, на трон, где ждал Эрон. Я ста-

ралась не встречаться взглядом ни с кем, но все равно видела их всех — разряженных, размалеванных, с лицами, полными лицемерного восхищения. Они хлопали в ладоши, эти стервятники, и каждый хлопок отдавался у меня в висках.

Вот моя мать. Стоит в первом ряду, рядом с советниками. На ней платье из темно-синего бархата, расшитое серебряными звездами. Ее лицо сияет — нет, не сияет. Светится. Она улыбается, и в этой улыбке столько облегчения, столько искренней, почти пугающей радости, что у меня перехватило дыхание. Почему? Почему она так рада этому? В какой момент моя мать, которая когда-то отказалась от трона ради любви, так возненавидела меня, что решила продать?

Мы дошли до подножия трона. Гарольд выпустил мою руку, и мы синхронно поклонились. Эрон посмотрел на нас сверху вниз, и его губы изогнулись в той самой хищной улыбке, от которой у меня кровь застывала в жилах.

— Мои лорды и леди, — его голос прокатился под сводами, как гром, и зал замер. — Сегодня великий день для Аргариона. Мы стоим на пороге войны — войны, что грозит разорвать наше королевство на части. Темный Царь, самозванец, возомнивший себя повелителем Трапзона, собирает армию у наших восточных границ. Но мы не дрогнем!

Он сделал паузу, обводя зал горящими глазами, и толпа отозвалась одобрительным гулом. Я слышала слова «подавить», «раздавить», «отомстить».

— Потому что сегодня мы заключаем союз, который на-

всегда изменит судьбу нашего континента, — продолжал Эрон. — Брендвуд, древнее королевство лесов и друидов, протягивает нам руку. И мы принимаем ее. Этот союз будет скреплен не только кровью, но и браком. Браком между моей племянницей, принцессой Элирой, и принцем Гарольдом, наследником Брендвудского престола!

Зал взорвался аплодисментами. Лорды кивали с важным видом. Леди прижимали платочки к уголкам глаз. Моя мать... моя мать сияла. Сияла, как полярная звезда, как будто это была ее собственная свадьба. Я почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Эрон поднял руку, призывая к тишине. Потом перевел взгляд на Гарольда и властно махнул рукой — жест хозяина, демонстрирующего товар на полке. Давайте, мол, покажите себя людям. Гарольд понял без слов. Он склонился на одно колено, прижав руку к сердцу, и поднял на меня свои светло-серые, пустые, как утренний туман, глаза.

— Принцесса Элира, — произнес он громко, театрально, и голос его эхом разнесся под сводами, — я прошу вашей руки. Окажите мне честь стать вашим мужем и защитником.

Зал заохал. Дамы прижали руки к груди. Я видела, как одна из них — старая карга с тремя подбородками — утирает слезу. Меня чуть не стошнило. Прямо здесь, на обсидиановый пол, под ноги этому коленопреклоненному болвану с его заученной речью. Я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Чего мне это стоило — одни боги знают. Вместо этого я

изобразила безрадостный, деревянный кивок. Молча. Потому что боялась: если открою рот, оттуда вырвется не согласие, а проклятие.

Гарольд нежно поцеловал мою руку. Потом он извлек откуда-то из дублета кольцо — массивное, с бриллиантом размером с вишневую косточку, — и надел мне на палец. Камень сверкнул в свете жидкого пламени, и зал снова взорвался овациями.

Я больше не смотрела на ликующие лица. Мой взгляд зацепился за короля. Эрон стоял у трона, возвышаясь над нами, и его глаза горели. Но не торжеством. Не радостью. Злобой. Чистой, яростной злобой, от которой его красивое лицо казалось маской, за которой клокотал ад. Почему? Почему он так смотрит на меня? Я делаю то, что он хочет. Я улыбаюсь, кланяюсь, играю свою роль. Или он все еще зол за то, какую тайну я вскрыла? Боится, что расскажу? Правильно. Пусть боится. Потому что свадьбы не будет. Мысль пронзила меня, как удар молнии. Я смотрела на короля, на его полыхающие злобой глаза, и в моей душе впервые за этот вечер расцвело что-то теплое. Надежда? Нет. Что-то темнее. Зло-радство. У меня есть оружие. У меня есть секрет, который он хочет похоронить. Измена королевы Лили. Связь с Брендвудом, построенная не только на договорах, но и на похоти. Если это вскрыется, союз рухнет. Брендвуд отзовет войска. И Темный Царь... Я сорву эту свадьбу. Я сбегу к морю. К Камерону, к пиратам, к свободе, о которой грезил с детства.

И теперь у меня есть, чем его шантажировать. Есть рычаг. Главное — придумать, как его использовать. Как вырваться из этой клетки, пока она не захлопнулась окончательно.

Эрон, должно быть, прочитал что-то в моем взгляде. Его глаза сузились, желваки заходили под скулами. Он отвернулся первым, и это была моя маленькая победа. Гарольд поднялся с колена и снова взял меня под руку. Придворные хлопали. Мать сияла. Лили улыбалась своей ледяной улыбкой. Представление продолжалось. Но в моей груди уже билась мысль, острая, как кортик, который я когда-нибудь прицеплю к поясу на капитанском мостике.

Глава 7

Элира

Я стояла на балконе, соединявшем мою спальню с комнатами матери, и смотрела в темноту. Ветер, долетавший с востока, пах гарью — вечный огонь на Шпиле Эрона никогда не угасал. Внизу, в Серебряном Саду, колокольчики на ветвях дубов вызванивали свою бесконечную погребальную мелодию. Я оперлась на холодные каменные перила и закрыла глаза. Мысли кружились в голове, как стая голодных чаек над рыбным косяком. Как избежать этой участи? Как вырваться из золотой клетки, пока дверца не захлопнулась навсегда? Бежать. Это единственный выход. Но как? Замок кишел стражей. Ворота охранялись днем и ночью. Даже если я выскользну из Цитадели, куда идти? Дрейнбург — чужой, враждебный город, где у каждой стены есть уши, а каждый нищий на улице готов продать тебя страже за медяк. Но я должна, должна попытаться, потому что альтернатива — стать женой Гарольда, переехать в Брендвуд, рожать ему детей и до конца своих дней носить маску счастливой принцессы. Лучше смерть. Честное слово, лучше смерть.

И тут, словно луч света в этом мраке, в моей памяти всплыл отец — Лорд Дрейк. Я закрыла глаза и увидела его так ясно, словно он стоял рядом. Высокий, широкоплечий, с обветренным морскими ветрами лицом и глазами — таки-

ми же желтыми, как мой правый. Он был самым добрым человеком на всей земле. Там, где появлялся мой отец, люди переставали хмуриться. Даже суровые солдаты, даже старые морские волки, что повидали на своем веку столько ужасов, что давно разучились улыбаться, рядом с ним становились мягче. Он был воином, но никогда не искал битвы. Он был мореходцем, и море было его истинной любовью. Даже мать, кажется, делила с океаном место в его сердце.

В детстве он пару раз брал меня с собой в плавание. Со всем короткое, на легком галиоте с командой из десяти человек. Мы шли вдоль побережья, от порта к порту, и отец показывал мне чудеса, которых я больше нигде не видела: летучих рыб, что выпрыгивали из воды и планировали над волнами; дельфинов, что шли за кораблем, как почетный эскорт; далекие огни маяков, что подмигивали с берега, словно старые друзья. Он ставил меня у штурвала и клал свои огромные ладони поверх моих, позволяя «править». Ветер трепал мои волосы, соль оседала на губах, и я смеялась от счастья.

Он грезил морем так же, как и я. По моей щеке скатилась слеза. Горячая, одинокая. Я так скучала по нему, так, что кости ломало. Так, что каждое воспоминание было лезвием, которое вскрывало старую рану заново. Отец бы точно нашел выход. Он всегда находил. Он посмотрел бы на меня, улыбнулся бы и сказал: «Не дрейфь, малышка. Шторм — это всего лишь проверка. Настоящий капитан не боится волн, он

боится только штиля». Но отца больше не было.

— Элира.

Голос матери вырвал меня из воспоминаний. Я не слышала, как она подошла. Амелия стояла в дверном проеме балкона, стройная, прямая, в своем темно-синем платье. Ее лицо смягчилось — редкое, почти невозможное выражение для моей матери. Мы обе смотрели в темноту — две женщины династии Аргарион, запертые в золотой клетке, только одна из нас держала ключ от этой клетки и добровольно его выбросила.

— Я горжусь тобой, — сказала она тихо. — За то, что ты согласилась на этот брак. Это было... достойно.

Я фыркнула. «Согласилась». Ага, как же. Меня никто не спрашивал. Меня поставили перед фактом, как овцу перед закланием, и теперь хвалили за то, что я не блеяла слишком громко. Но вслух я ничего не сказала. Прикусила язык. Сейчас не время для ссор. Амелия взяла мои руки в свои.

— Ты даже можешь быть счастлива с ним, — продолжила она, и в ее голосе прозвучало что-то почти похожее на искреннюю надежду. — Гарольд — хороший парень. Я знаю, он кажется немного... отстраненным. Но он из хорошей семьи. Он воспитан. Ты должна проводить с ним больше времени, Элира. Узнай его получше. Тогда после свадьбы вам обоим будет легче.

К горлу подступила тошнота. Желчная, горькая, невыносимая. Какая мерзость. Слышать это от собственной мате-

ри — советы, как поладить с мужчиной, которого я не выбирала, как привыкнуть к золотой клетке, как смириться с ролью племенной кобылы. Никогда. Никогда мне не будет с ним легче. Каждое прикосновение его холодных губ к моей руке вызывало у меня рвотные позывы. Каждое слово, произнесенное его пустым, бесцветным голосом, было пыткой. И мать хочет, чтобы я «проводила с ним больше времени»? Я повернулась к ней и посмотрела прямо в глаза.

— Почему ты отказалась от трона? — спросила я.

Амелия моргнула. Вопрос застал ее врасплох.

— Мы уже говорили об этом, Элира. Я не хотела войны. Твой дядя был сильнее, его поддерживала гвардия, и...

— Нет, — перебила я. — Я хочу знать правду. Почему отца хотели казнить? За что? И почему ты не могла спасти его, если бы стала королевой? Ты отказалась от короны в обмен на его жизнь. Но почему его жизнь вообще была под угрозой?

Мать отвернулась. Ее лицо, только что мягкое, почти нежное, превратилось в каменную маску.

— Это сложная и долгая история, — сказала она глухо. — И темная. Очень темная. О нашей династии, Элира. О вещах, которые лучше не ворошить.

— Меня это касается! — мой голос зазвенел. — Все это касается меня! Мой отец мертв. Меня продают в чужое королевство. Моя страна на грани войны. А я ничего не знаю! Почему ты ничего мне не рассказываешь? Почему вы все дер-

жите меня в неведении? Почему никто не рассказал мне о Темном Царе?

Амелия резко развернулась. Ее глаза вспыхнули ледяным, королевским гневом, который я так хорошо знала.

— О Темном Царе никто не скрывал! — отрезала она. — Это не тайна. Весь двор только о нем и говорит. То, что ты узнала подробности только сегодня, — не моя вина. Ты сама никогда не интересовалась политикой!

— Потому что меня заперли как в клетке!

— Тебя заперли для твоей же безопасности! — Амелия почти кричала, но тут же взяла себя в руки. Ее голос упал до шепота, холодного и острого, как лезвие. — Ты даже не представляешь, Элира, от чего я тебя защищала все эти годы. Ради твоего же блага.

Я горько рассмеялась.

— Ради моего блага? Ты продаешь меня в Брендвуд ради моего блага? Заставляешь выходить замуж за человека, которого я презираю, ради моего блага?

— Этот брак защитит тебя! — в голосе матери прорвалась сталь. — Ты станешь принцессой Брендвуда, а потом — королевой. У тебя будет статус, власть, армия за спиной. Никто не посмеет тебя тронуть. Никто.

— Кроме собственного мужа, — прошептала я.

Мать замолчала. Ее лицо дернулось — на мгновение, всего на одно короткое мгновение, в нем промелькнула боль. Но она тут же подавила ее.

— Ты не понимаешь, — сказала она тихо. — И я молю богов, чтобы тебе никогда не пришлось понять.

Мы стояли в тишине, глядя друг на друга, и пропасть между нами была глубже, чем ров с жидким пламенем вокруг Цитадели.

— Знаешь, — произнесла Амелия другим, более спокойным тоном, — тебе стоит быть благодарной Эрону за ту жизнь, которую он нам дает. Он мог убить нас. Обоих. Чтобы ни я, ни ты никогда не могли претендовать на престол. Такое случается сплошь и рядом в династических распрях — ты же читала историю. А он сохранил нам жизнь. Дал нам дом. Дал нам покой.

Я фыркнула так громко, что, наверное, в Дрейнбурге было слышно.

— О, конечно! Прямо сейчас пойду ему в ноги кланяться за эту возможность! «Благодарю, дядюшка, что не перерезали мне горло во сне! Благодарю, что продали меня в соседнее королевство, как мешок с мукой!» — я склонилась в издевательском реверансе. — Я так благодарна, мама. Бесконечно.

Амелия зло посмотрела на меня. Ее глаза сузились, губы сжались в тонкую линию. Она больше не пыталась быть мягкой. Она снова была стальной леди Аргарион, которую ничто не могло поколебать.

— Довольно, — отрезала она. — Иди готовиться. Скоро начнется званый ужин с твоим женихом и королевской семьей. И постарайся выглядеть довольной. Ты уже не ребенок,

Элира. Ты принцесса. Веди себя соответственно.

Она развернулась и ушла, не дожидаясь ответа. Ее шаги стихли в глубине покоев, и я снова осталась одна на балконе, наедине с ветром, пахнущим гарью, и серебряными колокольчиками, что звенели, как похоронный перезвон.

«Не дрейфь, малышка, — прошептал в моей голове отцовский голос. — Настоящий капитан не боится волн».

Я сжала перила и вдохнула холодный ночной воздух.

— Я не боюсь, папа, — прошептала я в темноту. — Я справлюсь. Обещаю тебе. Я вырвусь отсюда.

Глава 8

Элира

Меня наряжали, как жертвенного агнца перед закланием. Честное слово, я чувствовала себя именно так.

— Стой смирно, Элира. И перестань дергаться.

Мать затягивала шнуровку на моей спине с такой силой, что я едва могла дышать. Пальцы матери двигались быстро, умело, и в каждом их движении чувствовалась стальная воля, которую я так хорошо знала. Она была полна решимости сделать из меня «настоящую принцессу», даже если для этого требовалось задушить меня корсетом.

— Я не могу дышать, — прохрипела я.

— Перестань, Элира, — отрезала Амелия, затягивая последний узел. — Все же как-то дышат.

— Мама, это платье весит как половина моего дорожного сундука. Я в нем тоню.

— Не драматизируй. Повернись.

Я повернулась к зеркалу и замерла. На мгновение я даже забыла о своем гневе. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Бордовое платье струилось по фигуре тяжелым шелком, переливаясь в свете оттенками запекшейся крови и старого вина. Глубокое декольте открывало шею и ключицы, и мать повесила мне на шею тонкую серебряную цепочку с кулоном в виде дракона, пожирающего солнце — герб Арга-

риона, символ моего проклятого рода. Волосы, обычно рас-
трепанные и перехваченные кожаным шнурком, были уло-
жены в сложную прическу: косы обвивали голову короной,
а несколько прядей мягко спадали на плечи, и в их русых
волнах мерцала рыжина. Щеки тронули румянцем, губы —
каплей вишневого бальзама. Я выглядела... красивой. И от
этого было еще противнее. Потому что эта красота была не
моей. Она была маской, которую на меня надели, как наде-
вают уздечку на норовистую лошадь перед продажей.

— Вот так, — удовлетворенно произнесла Амелия, огля-
дывая меня. — Теперь ты выглядишь как наследница дина-
стии.

Я хотела сказать что-то резкое, но сдержалась. В кон-
це концов, платье — это всего лишь платье. Под ним все
еще была я. Элира, которая носила кожаные штаны и длин-
ные рубашки с открытым передом и длинным хвостом —
одежду, напоминавшую скорее пиратскую, чем королев-
скую. Элира, которая мечтала о море, а не о троне.

— Пора, — сказала мать, подавая мне руку. — Нас ждут.
Малый Обеденный Зал — так его называли, хотя он был
огромен, как провинциальный театр, — тонул в полумраке и
золоте. Стены были задрапированы гобеленами с батальны-
ми сценами. На длинном дубовом столе, за которым могло
бы разместиться полсотни гостей, горели канделябры в фор-
ме змей, и их пламя отражалось в хрустальных бокалах и зо-
лотых приборах. Слуги, безмолвные и невидимые, скользи-

ли вдоль стен, готовые исполнить любое желание.

Когда мы с матерью вошли, все уже были в сборе. Принц Гарольд сидел на дальнем конце стола и ковырял вилкой в тарелке с видом человека, которого заставили присутствовать на скучнейшей лекции в его жизни. Он даже не поднял головы при моем появлении. Его каштановые волосы были все так же идеально зачесаны на бок. Я могла бы войти в зал голой, и он, кажется, не заметил бы. А вот король Эрон заметил. Он сидел во главе стола, и его черные глаза впились в меня в тот самый момент, когда я переступила порог. Я почувствовала этот взгляд кожей — горячий, тяжелый, пронизывающий. Он скользнул по моему лицу, по обнаженным плечам, по декольте, по талии, по бедрам — медленно, оценивающе. Уголок его красивых губ дрогнул, но он ничего не сказал. Просто смотрел. Не отрываясь. Ни на секунду.

Что за ужас творится в его голове? Почему он так смотрит? Мечтает придушить меня после того, что я видела? Или... Я отогнала эту мысль, но она вернулась. Прилипчивая, как репей. Королева Лили сидела по правую руку от Эрона, и ее взгляд, устремленный на короля, был совсем другим. Радушным. Теплым. Даже... голодным. Она смотрела на него так, словно была готова накинуться на короля прямо здесь и сейчас. Интересно, ей понравилось то, как король ее ублажал? Интересно, какой Эрон в постели?.. Я не заметила, как прикусила губу. Черт. О чем мои мысли? Я тряхнула головой и поспешно заняла свое место за столом. Мать села

напротив, рядом с Гарольдом, и ободряюще мне улыбнулась. Я сделала вид, что не заметила. Слуги наполнили бокалы вином. Первое блюдо — что-то изысканное, с трюфелями и перепелиными грудками — исходило паром на тарелках, но у меня не было аппетита. Я ковыряла еду, подражая Гарольду, и старалась не смотреть на короля. Безуспешно. Его взгляд давил на меня.

— Леди Амелия, — королева Лили подняла бокал, и ее светлые, почти серебряные волосы качнулись. — Я хочу поблагодарить вас за этот союз. И передать благодарность моего супруга, короля Вильема. Он сожалеет, что не смог прибыть лично, но шлет свои самые теплые пожелания.

Моя мать улыбнулась и склонила голову. Ее лицо сияло.

— Это мы благодарны вам, королева Лили. Союз с Брендвудом — большая честь для нашего дома.

Ага. Если бы только король Вильем знал, как уж его жена «благодарна» за эту возможность. Интересно, это у них давно с Эроном? Я невольно бросила взгляд на Лили. Она сидела с идеальной осанкой, безупречная и надменная, и ни один мускул на ее лице не дрогнул. Потрясающая выдержка. Вот уж кто умеет носить маски.

— Элира, — голос королевы внезапно обратился ко мне, и я чуть не поперхнулась вином. — Расскажите, какое образование вы получили в Рендвуде? Я слышала, тамошние учителя весьма... своеобразны.

Она спрашивала вежливо, но в ее ледяных голубых глазах

читалось: «Провинциалка. Дочь опальной принцессы. Что ты вообще забыла рядом с моим сыном?»

— Я изучала историю Пяти Королевств, Ваше Величество, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Географию. Математику. Языки. А также фехтование и верховую езду.

— Фехтование? — бровь Лили поползла вверх. — Как... необычно для леди.

— Мой отец считал, что женщина должна уметь защитить себя сама.

При упоминании отца мать напряглась. Я заметила, как побелели ее костяшки, сжимавшие нож. Но Лили, казалось, не обратила внимания.

— Похвально, — произнесла она тоном, который означал прямо противоположное. — Что ж, я рада, что у моего сына будет такая... образованная супруга. Вы неплохая партия для Гарольда.

Ой, спасибо. Как вы высоко меня оценили. Я закатила глаза, не успев себя остановить. В тот же миг острая боль пронзила мою голень — мать пнула меня под столом. Я стиснула зубы, но промолчала.

— Уверена, они будут счастливы вместе, — сладко произнесла Амелия, не сводя с меня предупреждающего взгляда.

Лили кивнула и сделала глоток вина. Потом отставила бокал и сложила руки на столе.

— О помолвке уже объявлено, — сказала она. — Мой су-

пруг, король Вильем, прибудет в Дрейнбург через неделю. Я полагаю, можно будет сыграть свадьбу сразу после его прибытия. Пора начать приготовления.

Свадьбу? Через неделю? Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Это слишком быстро. Слишком, слишком быстро для королевской свадьбы. Обычно такие приготовления длятся месяцами — рассылают приглашения, шьют платья, готовят церемонию. А тут — через неделю? Почему такая спешка?

Королева Лили повернулась к Эрону. Он сидел, мрачнее тучи, и его черные глаза метали молнии. Казалось, он вообще не слушал разговор. Но когда Лили спросила: «Все верно, Ваше Величество?» — он дернул головой, словно очнувшись от сна.

— Что? — переспросил он хрипло.

— Я говорю, свадьба через неделю. После прибытия короля Вильема.

Эрон перевел взгляд на меня. Тяжелый, обжигающий, задержавшийся на моем лице на долю секунды дольше, чем следовало. Потом на Гарольда, который все еще ковырялся в тарелке. Потом снова на меня.

— К чему такая спешка? — внезапно вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать.

Лили удивленно повернулась ко мне. Ее ледяные глаза сузились.

— В чем дело, Элира? — спросила она с едва заметной

ноткой угрозы в голосе. — Вы против?

Я открыла рот, чтобы ответить — да, против! Еще как против! — но в этот момент король Эрон заговорил.

— Она права, — произнес он, и его голос прокатился по залу, как удар грома.

Все замерли. Лили уставилась на него с недоумением. Моя мать — с тревогой. Я — с шоком. Эрон только что согласился со мной.

— Она права, — повторил Эрон, и в его голосе прозвучала та самая нахальная, царственная небрежность, которую я так хорошо уже знала. — Для свадьбы такого масштаба нужно время. Неделя — это смешно. Мы же не деревенскую ярмарку устраиваем. Нужно разослать приглашения во все Пять Королевств. Нужно подготовить церемонию. Нужно, чтобы портные успели сшить платье. — Он бросил на меня короткий взгляд, и в его черных глазах промелькнуло что-то, чему я не могла дать названия. — Сыграем свадьбу в следующем месяце.

Повисла тишина. Лили открыла рот, закрыла, снова открыла. Она явно не ожидала такого поворота. Ее щеки чуть порозовели — кажется, от злости. Но спорить с Эроном она не решилась.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество, — процедила она, и каждое слово было пропитано льдом.

Моя мать выдохнула с облегчением. Гарольд наконец поднял голову от тарелки — кажется, он только сейчас осознал,

что обсуждается его собственная свадьба. А я сидела, вцепившись в край стола, и пыталась понять, что только что произошло.

Мерзкий Эрон согласился со мной. Отсрочил свадьбу на целый месяц. Но для чего? Это же ему совершенно невыгодно. Ему нужны войска Брендвуда сейчас, немедленно, чтобы подавить восстание Темного Царя. Каждый день промедления — это риск, что мятежники продвинулись дальше. Зачем ему ждать?

Он снова посмотрел на меня. Его глаза встретились с моими, и на мгновение мне показалось, что в их черной глубине пляшет что-то темное. По моей спине пробежал холодок.

Глава 9

Элира

Я стояла на балконе, глядя на закат, что разливался над Дрейнбургом багровыми и золотыми полосами. Гарольд стоял рядом, облокотившись на перила, и молчал. Мы не разговаривали с тех пор, как вышли из обеденного зала. Мать настояла, чтобы мы «провели время вдвоем», и теперь мы торчали здесь, как два манекена в витрине, выставленные на обозрение невидимым зрителям.

— Это платье вам очень идет, — внезапно произнес Гарольд.

Я повернулась к нему, не скрывая удивления.

— Ого. Вы заметили.

— Простите?

— Я говорю, удивительно, что вы это заметили, — я усмехнулась и покачала головой. — За ужином вы ни разу на меня не взглянули. Я думала, вы изучаете анатомию перепелиной грудки.

Гарольд моргнул, и в его светло-серых глазах что-то промелькнуло — может быть, смущение? Или что-то, отдаленно похожее на живое чувство?

— Я не хотел никого смущать своими взглядами, — сказал он, и это прозвучало почти искренне. — Вы были так красивы, что я... я не знал, куда деть глаза.

Я рассмеялась. Не могла сдержаться. Смех вырвался из горла, горький и резкий, и Гарольд посмотрел на меня с недоумением.

— Вы странная, — заметил он, но без осуждения. Скорее, с любопытством.

— О, вы даже не представляете насколько.

Он повернулся ко мне всем корпусом, и впервые за все время я увидела в его лице что-то, кроме пустоты. Его взгляд скользнул по моему лицу, по плечам, по талии, и на мгновение задержался на декольте. Когда он заговорил снова, его голос был ниже, глуше.

— Вы шикарны, — сказал он. — И я очень жду дня нашей свадьбы.

Я напряглась. Он шагнул ближе.

— И брачной ночи, — добавил он почти шепотом, и его дыхание коснулось моей щеки.

Меня передернуло. Буквально — дрожь пробежала по всему телу, от затылка до пяток, и я отшатнулась, прижимаясь спиной к перилам. Гарольд заметил это и нахмурился. Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент из глубины замка донесся голос — раскатистый, низкий, властный:

— Принц Гарольд.

Мы оба обернулись. В дверях балкона, заслоняя собой свет факелов, стоял король Эрон. Он был огромен в своем черном одеянии, расшитом золотыми змеями, и его тень падала на каменные плиты, накрывая нас обоих.

— Я хотел бы поговорить со своей племянницей, — произнес он, и это не было просьбой. — Наедине.

Гарольд колебался ровно секунду. Потом поклонился — чопорно, формально, — бросил на меня короткий взгляд и вышел. Его шаги затихли в коридоре, и я осталась одна. С ним. Эрон не спешил приближаться. Он стоял в дверях и смотрел на меня, и в его черных глазах плясали отсветы заката, придавая его лицу что-то демоническое. Потом он шагнул вперед — один широкий, плавный шаг, как у хищника, вышедшего на охоту. Еще шаг. И еще. Он встал рядом со мной, у самых перил, и его массивная фигура заслонила полнеба.

— Ваше Величество, — я склонилась в книксене максимально манерно, чтобы дьявол видел мое отвращение. — О чем вы хотели поговорить?

Эрон молчал. Он смотрел на город, раскинувшийся внизу, на дымы тысячи очагов, на закатные облака, и его профиль был как высеченный из черного мрамора. Молчание затягивалось, и я чувствовала, как внутри нарастает тревога. Наконец он повернулся ко мне. Его лицо было надменным, жестким, но на губах играла та самая харизматичная, наглая полуулыбка, от которой у меня перехватывало дыхание.

— Ты довольна своей партией, Элира? — спросил он, и в его голосе прозвучала насмешка.

Я рассмеялась.

— Разумеется, Ваше Величество. А разве может быть ина-

че?

Эрон рассмеялся в ответ. Его смех эхом разнесся над садом, вспугнув стаю ворон, что сидели на ближайшем дубе.

— Ты лжешь, — сказал он отсмеявшись. — Но я это ценю. Ты умна.

— Благодарю, — процедила я. — Тогда позвольте задать вам вопрос, Ваше Величество. Почему вы согласились со мной за ужином? Почему отсрочили свадьбу?

Эрон нахмурился. Его брови, черные и густые, сошлись на переносице, и он шагнул ближе. Так близко, что я почувствовала запах, исходящий от его разгоряченного тела.

— Неужели ты влюбилась в Гарольда и хочешь свадьбу побыстрее? — его голос был вкрадчивым, обволакивающим, но в глазах полыхало что-то темное.

Я ядовито выцедила, глядя ему прямо в лицо:

— Конечно, Ваше Величество. Я горю огнем. Я мечтаю о том дне, когда возлягу с Гарольдом. Считаю часы. Мое сердце поет.

В глазах Эрона полыхнули искры. Буквально — на мгновение мне показалось, что в его зрачках вспыхнул настоящий огонь. Он дернулся вперед, и прежде, чем я успела отшатнуться, его рука обхватила мою талию — жестко, сильно, стальной хваткой, — и он прижал меня к себе. Я ахнула. Его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. Его дыхание — горячее, частое — обожгло мою щеку. Его губы почти касались моего уха, когда он зашептал:

— Ты можешь врать сколько угодно. Ты молодец. Но прими свою судьбу, Элира. — Его пальцы сжались на моей талии сильнее, и я почувствовала его тело — твердое, горячее, как расплавленная сталь. — Она в моих руках, дорогая. Полностью. Всецело.

Я опешила. Рот открылся, чтобы ответить, но он приложил палец к моим губам.

— Тише, принцесса.

Его большой палец скользнул по моей нижней губе — медленно, почти нежно, — и это прикосновение отозвалось дрожью во всем теле. Я замерла, не в силах пошевелиться.

— Твой отец был хорошим человеком, — вдруг произнес он, и его голос стал тише, почти задумчивым. Глаза его потемнели, и в них мелькнуло что-то, похожее на искреннюю горечь. — Из уважения к нему, я не убиваю тебя, хоть ты и лезишь туда, куда не следует. Мне жаль, что он умер.

Слова ударили меня, как пощёчина. Ярость, боль — всё смешалось в один огненный ком, и я рванулась в его хватке, чувствуя, как слёзы жгут глаза. Как он смеет? Как он смеет говорить о моем отце с этим притворным сожалением? Он, который, возможно, и был причиной его смерти!

— Не смейте! — выкрикнула я, и голос мой сорвался на хрип. — Не смейте говорить о моём отце! Вам не место в его памяти. Вам вообще не место рядом с его именем.

Эрон не отпустил меня, но его лицо слегка изменилось — в нём проступила тень удивления, смешанного с чем-то

похожим на уважение.

— Ого, — протянул он, и его голос стал почти ласковым.
— Какая горячая кровь.

Я отвернулась, не в силах больше смотреть в его глаза. Я уставилась вниз, на город, на багровые крыши, на дымы, поднимающиеся к небу, и пыталась унять дрожь в руках. Что за перемена? Ещё недавно этот человек клялся изнасиловать меня и превратить в камень, а теперь он стоит рядом и говорит о моём отце как о старом друге.. Это было пугающе неправильно. Словно у змеи вдруг выросли крылья — и ты не знаешь, чего ждать: укуса или полёта.

— Зачем вы это делаете? — спросила я, не глядя на него.
— Эти игры... вы же не человек, а дьявол. Зачем вам притворяться?

Он ничего не ответил. Вместо этого я почувствовала, как его грудь прижалась к моей спине, а его руки легли на перила по обе стороны от меня, зажимая в ловушке. Я вздрогнула всем телом, как от удара током.

— Не смейте прикасаться ко мне! — выпалила я, пытаюсь оттолкнуть его локтем, но он даже не шелохнулся — его торс был как каменная стена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.